

Шэнь Кэ занемог далеко не так сильно, как Тан Цзю. Лихорадки у него не было, лишь слегка першило в горле — обычная простуда, пустяк. Однако Янь Юйсюань всполошился не на шутку, будто благородного супруга поразил смертельный недуг. Он созвал целую толпу императорских лекарей, а сам без конца крутился у постели больного, засыпая его заботливыми расспросами:

— Сильно болит? Прости, это всё моя вина... Вчера я так увлёкся праздником фонарей, что совсем позабыл о твоём хрупком здоровье.

Шэнь Кэ ласково сжал его ладонь в ответ.

— Что вы такое говорите, Ваше Величество? — прошептал он. — Мне уже гораздо лучше после лекарства, только... зябко почему-то.

Янь Юйсюань тут же потянулся было приказать, чтобы снова позвали лекарей, но Шэнь Кэ удержал его за рукав. Чуть смущённо опустив глаза, он тихо произнёс:

— Не останетесь ли вы сегодня в моём дворце? В ваших объятиях... так тепло.

Император на миг опешил, а затем рассмеялся и нежно щелкнул его по носу:

— Хочешь, чтобы я остался, так и скажи. Ах ты, глупый...

Шэнь Кэ густо покраснел.

Пока они предавались нежностям, слуги вокруг замерли, боясь даже поднять глаза. Лишь главный управляющий Ван после недолгого колебания бесшумно шагнул вперёд и едва слышно напомнил:

— Ваше Величество, днём вы обещали навестить императрицу в его дворце.

Янь Юйсюань на мгновение задумался. И верно, Линь Цзиньчжи ведь тоже занемог, причём довольно серьёзно...

Император заколебался. Заметив его нерешительность, Шэнь Кэ тихо вздохнул и покорно опустил голову.

— Ступайте к императрице, Ваше Величество. У меня лишь лёгкое недомогание, ничего страшного...

Договорить он не успел — закашлялся, да так сильно, что согнулся пополам. Лицо его

побелело, а на лбу выступила болезненная испарина.

Янь Юйсюань мгновенно переменялся в лице. Он принялся бережно гладить любимого по спине, одновременно бросая резкие приказы управляющему:

— Живо зови лекарей! И пошли кого-нибудь в Дворец Вечного Веселья. Передай императрице, что сегодня я занят государственными делами и приду в другой раз.

Мысленно вздохнув, Ван Фухай почтительно поклонился и поспешил исполнить волю повелителя.

— Понимаю, — отозвался Тан Цзю. — Благодарю за весть, евнух Ван.

Стоявший подле него Сяо Шуныцзы молча шагнул вперёд и ловко скользнул в широкий рукав управляющего тяжёлый парчовый мешочек с золотом. Ван Фухай спрятал подношение, низко поклонился и заговорил елеинным голосом:

— Отдыхайте, Ваше Величество. Завтра я непременно снова напомню государю о вас.

— В этом нет нужды, — Тан Цзю усмехнулся, и в этой улыбке промелькнуло лукавство. — Если благородный супруг Шэнь так тяжело болен, мне как императрице не пристало оставаться в стороне. Пожалуй, я сам навещу его.

Янь Юйсюань провел ночь в Дворце Воспетых Песен. На рассвете, перед самым выходом к утреннему двору, он нежно коснулся плеча возлюбленного:

— Не забывай принимать снадобье. Как только совет закончится, я сразу вернусь к тебе.

Шэнь Кэ послушно кивнул.

После завтрака служанка принесла свежесваренный отвар. Шэнь Кэ взял пиалу и уже поднёс её к губам, как вдруг замер. Запах лекарства показался ему странным, совсем не таким, как вчера.

— Рецепт изменили? — нахмурился он. — Откуда этот резкий, солоновато-металлический запах?

Служанка испуганно затрепетала:

— Нет, господин, лекарь оставил прежнее предписание. Однако когда отвар томился на огне, пришёл слуга из Дворца Вечного Веселья. Он принёс какую-то добавку и сказал, что императрица, узнав о вашем недуге, велел подмешать это редкое снадобье. Мол, оно укрепит силы и ускорит выздоровление.

Услышав это, Шэнь Кэ едва не выронил пиалу — она словно обожгла ему пальцы. С тихим стуком он швырнул её на лакированный столик, так что тёмная жидкость выплеснулась на резьбу.

От резкого звука служанка вздрогнула и в панике уставилась на хозяина.

— И ты позволила чужому слуге что-то подсыпать в моё лекарство? — ледяным тоном спросил Шэнь Кэ.

Обычно мягкий, робкий и болезненный юноша сейчас казался совершенно чужим. С его лица исчезла привычная кротость, а тяжёлый, застывший взор заставил служанку похолодеть от ужаса. Поняв, какую глупость совершила, она рухнула на колени.

— Пощадите, господин! Рабыня заслуживает смерти! — взмолилась она дрожащим голосом.

Шэнь Кэ окинул её презрительным взглядом и перевёл взор на дымящуюся пиалу.

«Что этот мерзавец туда подмешал? Неужели яд?»

Верить в щедрость и доброту Линь Цзиньчжи было глупо. Он, Шэнь Кэ, едва ступив на порог дворца, отобрал у императрицы всё: любовь повелителя, внимание двора, а главное — открыл государю правду о том, что все эти годы тот довольствовался лишь блёклой копией. Линь Цзиньчжи должен ненавидеть его до глубины души. Даже если у того не хватило бы духу отравить фаворита среди бела дня, ничего хорошего в этой пиале точно не было. При одной мысли о странном приторном запахе к горлу Шэнь Кэ подкатывала тошнота.

Очередной взгляд на дрожащую служанку был полон брезгливости. Держать при себе такую дуру смертельно опасно.

Он уже собирался позвать стражу и вышвырнуть девку вон, как вдруг у дверей раздался зычный голос евнуха:

— Императрица пожаловал!

Шэнь Кэ изменился в лице. Он резким жестом велел служанке подняться, поправил складки

халата и приготовился к встрече. На его губах тут же заиграла безупречная, кроткая улыбка, но внутри всё сжалось от предельного напряжения.

«Сперва подозрительное зелье, теперь этот визит... Что ты задумал, Линь Цзиньчжи?»

Тан Цзю неторопливо переступил порог. Первое, на что упал его взор, была нетронутая пиала на столике, от которой всё ещё поднимался тонкий парок. В душе юноша злорадно усмехнулся.

«Как и ожидал — не прикоснулся».

Лицо Тан Цзю, хранившее печать утончённой, неземной красоты, оставалось бесстрастным.

— Здоров ли благородный супруг Шэнь? — негромко спросил он.

Шэнь Кэ изобразил крайнее смущение и почтение.

— Благодарю за заботу, Ваше Величество, мне уже гораздо лучше. Слышал, вас тоже подкосил недуг, и я никак не ожидал, что вы лично почтите меня своим присутствием...

Тан Цзю проигнорировал вежливые излияния и сухо прервал его:

— Почему лекарство не выпито?

Его холодный, бесстрастный тон прозвучал как прямой допрос. Сердце Шэнь Кэ тревожно забилось. Он не ожидал от вечно покорного соперника такой властности и едва удержал на лице маску вежливости.

— Дело в том, что лекарь счёл мою простуду незначительной и разрешил прекратить приём, — как можно мягче ответил он. — Девка просто проявила излишнее рвение и сварила отвар по ошибке.

— Раз уж его принесли, не стоит переводить ценные снадобья, — ровным голосом произнес Тан Цзю. — Пей.

Шэнь Кэ невольно отступил на шаг. Натянута улыбка на его лице грозила вот-вот возникнуть трещинами.

— Но...

Сделав два шага вперёд, Тан Цзю неторопливо взял пиалу со стола. В его глазах блеснул опасный огонёк, а губы тронула едва заметная, пугающая усмешка:

— Или ты хочешь, чтобы я сам тебя напоил?

На лице Шэнь Кэ проступил неподдельный ужас.

Он и подумать не мог, что Линь Цзиньчжи зайдёт так далеко и решится на открытое насилие! Эта мягкая усмешка в его глазах превратилась в оскал безжалостного палача, явившегося за его душой.

«В отваре точно яд! Он хочет избавиться от меня любым способом! Всё сходится: он потерял благосклонность императора и понимает, что вернуть её не сможет. Если убрать меня, а вину свалить на кого-то другого, глупый Янь Юйсюань поверит ему... И тогда всё вернётся на круги своя! Ведь этот ничтожный червь долгие годы служил лишь моим блёклым отражением!»

От этой мысли спина Шэнь Кэ мгновенно покрылась ледяным потом. Он жестоко просчитался, посчитав Линь Цзиньчжи безвредным и забытым соперником. Кто бы знал, что за этой кротостью скрывается столь коварный и жестокий ум!

Видя, что Тан Цзю с пиалой в руках делает к нему очередной шаг, Шэнь Кэ отчаянно метнул взгляд на слуг, приказывая немедленно звать императора. Сам же он изящным, отработанным движением опустился на колени. Его губы дрогнули, а глаза мгновенно наполнились слезами.

— Скажите, Ваше Величество, — взмолился он, — в чём моя вина перед вами? За что вы так меня ненавидите?

Тан Цзю остановился.

— О чём ты?

— Зачем вы заставляете меня пить это зелье? — Шэнь Кэ решил идти ва-банк. — Мои слуги видели, как ваш человек подмешал туда неизвестное вещество. Ответьте, Ваше Величество, что в этой пиале?

Тан Цзю слегка нахмурился. На его лице промелькнуло мимолётное замешательство, но он промолчал.

Эта заминка окончательно убедила Шэнь Кэ в своей правоте. Страх уступил место злорадному торжеству.

«Пусть беснуется. Янь Юйсюань уже должен быть на пути сюда. Линь Цзиньчжи сыграл дерзко, но глупо. Как только император услышит мои обвинения, этой твари не сносить головы!»

Заметив, что время уходит, Тан Цзю нахмурился и резко подался вперёд, намереваясь силой влить жидкость ему в рот.

Шэнь Кэ в ярости рванулся в сторону. Сбрав все силы, он наотмашь ударил по пиале.

Раздался звонкий, резкий щелчок — тонкий фарфор разлетелся вдребезги, а тёмный, пахучий отвар растёкся по полу. В то же мгновение двери распахнулись, и в палаты стремительно вошёл Янь Юйсюань.

Увидев покровителя, Шэнь Кэ разрыдался в голос. Не поднимаясь с колен, он пополз навстречу императору и с отчаянным, полным невыносимой муки воплем припал к его ногам:

— Ваше Величество!

Этот пронзительный, истошный крик заставил Тан Цзю внутренне вздрогнуть от отвращения.

Оторопевший Янь Юйсюань поспешно склонился к нему, крепко обнял и принялся успокаивать. Оглядев царивший в комнате беспорядок, он нахмурился:

— Что здесь происходит?

Тан Цзю хранил ледяное молчание.

Захлёбываясь слезами и дрожа всем телом, Шэнь Кэ пролепетал:

— Императрица... он подсыпал что-то в моё лекарство. Я почуял неладное и отказался пить, а он... он пытался влить его мне силой!

Император не сразу осознал весь ужас обвинения. С недоверием и нарастающим гневом он помог фавориту подняться, а затем медленно повернулся к супругу:

— Цзиньчжи, — выговорил он глухо, — что ты подмешал в отвар?

Тан Цзю замер. Его губы беззвучно шевельнулись, но он так ничего и не произнёс.

Лицо императора окончательно посуровело.

— Вызвать лекаря! — прогремел его приказ. — Пусть проверит зелье на яд!

Слово «яд» прозвучало подобно грому среди ясного неба. Тан Цзю едва заметно вздрогнул и

вскинул голову. В его долгом, пронзительном взгляде отразилось такое горькое разочарование, что Янь Юйсюань на мгновение опешил. Однако, не дав государю опомниться, юноша отвернулся, пряча лицо в тени.

Вскоре в палаты вбежал придворный лекарь. Опустившись на колени перед лужицей на полу, он осторожно вдохнул пар, опустил в тёмную жидкость серебряную иглу и, тщательно изучив её, объявил:

— Ваше Величество, яда в отваре нет.

<http://bllate.org/book/20582/2112215>